Софья Рагозина

Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-272-299

Sofya Ragozina

Protecting "Traditional Islam" from "Radical Islam": Discourse of Islamophobia in the Russian Media

Sofya Ragozina — National Research University "Higher School of Economics", Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). ragozina.grc@gmail.com

A number of papers on the sociology of Islam are based on an assumption about the domination of a negative, or at least "problematic" nature of Islam. Many authors connect such image with terrorism, violence and migration. A securitization of Islam occurs not only in the media, but even in academic research through reproducing the Orientalist approach. Despite the fact that the narrative of Islamophobia is firmly entrenched in many types of discourse about Islam, the simple question remains unanswered: how is this happening? In this paper we try to answer this question by studying the materials of the Russian media. What are the mechanisms of creating the discourse of Islamophobia? How is the opposition of traditional and radical Islam being created? How important is the agenda of the Islam experts our in forging knowledge about Islam? The main goal of this work is to show the mechanism that makes Islamophobia a hegemonic discourse in the Russian media.

Keywords: Islam in Russia, Islamophobia, Islam and Media, corpus linguistics, discourse analysis.

СМИ — один из самых эффективных инструментов власти. Различные дискурсивные практики, воспроизводимые медиа, способны оказывать решающее влияние на закрепление стереотипов, затем на появление конкретных моделей

Рагозина С. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 272–299.

Ragozina, Sofya (2018) "Protecting 'Traditional Islam' from 'Radical Islam': Discourse of Islamophobia in the Russian Media", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 36(2): 272–299.

политического поведения и, в конечном счете, на специфику функционирования того или иного политического режима.

Многие работы, посвященные современной социологии ислама, исходят из якобы не требующей доказательства посылки о доминировании негативного образа ислама или же о «проблемном» характере ислама. Наиболее красноречиво об этом говорят немногочисленные метаисследования состояния современного знания об исламе. Например, С. Ахмед и Й. Маттес проанализировали 345 исследований об образе ислама в СМИ с 2000-го по 2015 год[1]. Самым главным стимулом для появления этого направления исследований на Западе стал теракт «9/11», затем наибольшее количество публикаций выходило после других крупных атак. Большинство авторов так или иначе связывают образ ислама с терроризмом, насилием и миграцией[2]. То есть секьюритизация ислама происходит не только на уровне СМИ, но и на уровне академических исследований посредством воспроизводства ориенталистского подхода к выстраиванию «образа другого». Несмотря на то, что данный нарратив исламофобии прочно закрепился во многих типах дискурса об исламе, без ответа, как правило, остается простой вопрос: как это происходит? Каковы механизмы формирования дискурса исламофобии в российских СМИ? Как формируется пространство противостоящих друг другу идентичностей традиционного и радикального ислама? И насколько важно учитывать, кто формирует экспертную повестку наших знаний по исламской проблематике?

Основная цель данной работы в том, чтобы продемонстрировать значимость и востребованность дискурса исламофобии в российском коммуникативном пространстве. Для этого мы сначала обратимся к теоретическим рамкам осмысления феномена исламофобии как таковой, а затем на примере двух кейсов выявим специфику дискурса исламофобии в печатных СМИ, позволяющую говорить о его гегемонистском характере в российском публичном пространстве.

Теоретическое осмысление проблемы исламофобии

Первая попытка концептуального осмысления термина «исламофобия» была предпринята британским исследовательским цен-

1. Ahmed, S., Matthes, J. (2017) "Media Representation of Muslims and Islam From 2000 to 2015: A Meta-Analysis", *The International Communication Gazette* 79(3): 219–244.
2. Ibid, p. 17.

тром Runnymede, занимающимся изучением вопросов равенства и этничности[3]. В 1997 г. Комиссией по британским мусульманам и исламофобии (функционировавшей в рамках упомянутой выше организации с 1996 г.) был опубликован доклад «Исламофобия: вызов для нас»[4]. По мнению авторов доклада, впервые слово «исламофобия» было употреблено в американской прессе в 1991 г. в материале, посвященном событиям в Афганистане.

Авторы доклада несколько раз повторяют, что термин далек от идеала. Исламофобия в самом широком смысле может быть определена как необоснованная враждебность по отношению к исламу. Однако это не просто абстрактная «враждебность», но и практические следствия, выражающиеся в дискриминации мусульман, их исключении из участия в важных политических и социальных делах. Кроме того, авторы ставят вопрос: где же грань между «легитимной критикой» и «необоснованной враждебностью»? Оказывается, дело в «открытом» и «закрытом» взгляде на проблему. Закрытый взгляд — это восприятие ислама как статичной религии, не предполагающей ответов на новые вызовы, в то время как открытый взгляд основан на убежденности в том, что ислам, наоборот, приемлет идеи развития и разнообразия. Авторы доклада предлагают восемь критериев для определения «закрытого» и «открытого» взглядов на ислам. Однако их формулировки настолько общие, что позволяют лишь приблизительно очертить проблему исламофобии, без подробного анализа.

После 1997 г. появилось множество теоретических работ и прикладных исследований по исламофобии. Знания по этой проблеме значительно увеличились, и сама проблема стала восприниматься как более комплексная. Одна из фундаментальных теоретических работ по исламофобии была опубликована в 2010 г. научным сотрудником Института прикладных социальных исследований (IASS) Бирмингемского университета Кристофером Алленом[5]. Вскоре после событий 11 сентября 2001 г. он был приглашен в качестве соавтора ежегодного аналитического доклада Европейским центром мониторинга расизма и ксенофобии (ЕЦМРК).

3. “About us”, *The Runnymede Trust* [http://www.runnymedetrust.org/about.html, accessed on 05.03.2018].
4. “Islamophobia Challenge for Us All” (1997), *The Runymede Trust* [http://www.runnymedetrust.org/publications/17/32.html, accessed on 05.03.2018].
5. Allen, Ch. (2010) *Islamophobia*. Ashgate Publishing Group.

Аллен выделил несколько подходов к осмыслению феномена исламофобии. Во-первых — исламофобия как расизм. Доказывая этот тезис, автор приводит в пример положение афроамериканцев в 70-е гг. прошлого века, когда образ чернокожего преступника и хулигана стал экстраполироваться на все чернокожее население. Так же развивались события и после 11 сентября 2001 г., когда ярлык «террориста» стал использоваться по отношению к каждому мусульманину. Во-вторых — исламофобия как идеология. Здесь Аллен делает акцент на уникальной символической системе, отличающей ее от знаковой системы расизма или религиозной нетерпимости. В-третьих — исламофобия как модель легитимации. Под определение исламофобии попадает не только собственно система определенных взглядов, но и механизмы закрепления их в общественном сознании. Например, таким механизмом является унификация — создание такого конструкта, который легко воспринимается и усваивается на уровне общественного мнения («ислам — злая религия»); или же фрагментация — когда из цельного образа вычленяется один элемент и транслируется на всю группу («этот мусульманин преступник — все мусульмане преступники»)[6].

В итоге Аллен дает следующее определение: исламофобия — это идеология, так же функционирующая и преследующая такие же цели, как расизм и другие схожие явления, поддерживающая негативные оценки мусульман и ислама в современной ситуации, которые впоследствии влияют на социальное действие и взаимодействие, на формирование матрицы понимания, что, в конечном счете, конструирует мышление о мусульманах и об исламе как о *других*[7].

Подходы большинства авторов, исследующих проблему исламофобии, в целом укладываются в предложенную Аленом типологию. Однако каждый из них нуждается в пояснении.

Самым распространенным подходом в определении исламофобии является попытка определить этот концепт по аналогии с расизмом. Ввиду того, что теория расизма разработана очень подробно, популярность такого подхода можно объяснить его «эргономичностью». Достаточно отождествить расовый и религиозный факторы в процессе выстраивания идентичности — и теоретические разработки для исследований расизма

6. Ibid, p.163–172.
7. Ibid, p. 190.

заработают и при изучении исламофобии. Р. Тарас определяет исламофобию как одно из проявлений расизма, воплощенных в религиозной сфере[8]. А. Кунднани говорит о том, что исламофобия — это форма структурного расизма в отношении мусульман и способы его реализации через официальный дискурс борьбы с терроризмом[9].

Для европейского контекста характерно определение исламофобии как идеологии со всеми присущими ей чертами. Так, исламофобия является неотъемлемым элементом идеологии правых партий, подъем которых наблюдается с середины 2000-х. В данном контексте исламофобия выступает также как следствие «радикализации» мусульманских сообществ в Европе: «исламофобия — это страх мультикультурализма и его последствий»[10]; это «идеологический ответ, который заключается в унификации историй, политик, обществ и культур Ближнего Востока в единое негативное восприятие, а концепция эссенциалистского ислама оказывается несовместимой с евроамериканизмом»[11].

Существует также ряд работ, в которых определение «исламофобии» выходит за рамки схемы, предложенной К. Алленом. Так, исламофобия осмысляется в более широком теоретическом контексте, например, в рамках постколониальной теории. Здесь восприятие ислама основывается на нескольких пунктах. Первый: враждебное отношение к исламу и мусульманам обусловлено колониальным прошлым. Второй: непонимание социокультурных различий многочисленных мусульманских сообществ обуславливает ошибочное гомогенное восприятие ислама. Наконец, при анализе развития мусульманских обществ используются критерии, адаптированные для западных обществ[12].

Наиболее конструктивным представляется подход А. Мондон и А. Винтер. Они подробно исследуют проблему «исламофобий», обращаясь к теории Э. Лакло и Ш. Муфф. Мондон

8. Taras, R. (2013) "'Islamophobia Never Stands Still': Race, Religion, and Culture", *Ethnic and Racial Studies* 36(3): 417–433.
9. Kundnani, A. (2014) *The Muslims are Coming!: Islamophobia, Extremism, and the Domestic War on Terror*, p. 11. New York: Verso Books.
10. Marranci, G. (2004) "Multiculturalism, Islam and the Clash of Civilisations Theory: Rethinking Islamophobia", *Culture and Religion* 5(1): 105–117.
11. Semati, M. (2010) "Islamophobic Culture and Race in the Age of Empire", *Cultural Studies* 24(2): 256–275.
12. См. например: Meer, N. (2014) "Islamophobia and Postcolonialism: Continuity, Orientalism and Muslim Consciousness", *Patterns of Prejudice* 48(5): 500–515.

и Винтер противопоставляют артикуляции (в терминологии упомянутых авторов) и самодостаточные категории (self-contained categories) и делают чрезвычайно важный вывод: исламофобия не представляет собой единого дискурса, являясь скорее набором артикуляций, который воплощается в различных типах генерализаций, стигматизаций и неправильных восприятий (misperception)[13]. М. Экман в своей статье фактически дублирует эту мысль: «Исламофобия воплощается в различных фреймах в зависимости от национальных и транснациональных политических акторов и процессов, тем, событий и других обстоятельств»[14].

Цель данного исследования — определить данные фреймы и попытаться оценить их роль в формировании негативного образа ислама.

Методологические замечания

Эмпирическая часть данного исследования основана на использовании инструментария корпусной лингвистики. В самом широком значении корпусная лингвистика — это изучение языка, основанное на примерах его использования в реальной жизни[15]. Отличительной чертой корпусной лингвистики является применение количественных методов, например, для вычисления частоты появления того или иного лингвистического явления и последующей интерпретации данного факта. Для анализа нами был сформирован корпус статей из шести российских федеральных газет: «Независимая газета», «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Российская газета» и «Новая газета». Выбор именно этих изданий обусловлен в первую очередь их популярностью, что подтверждается рядом исследований[16]. Для анализа нами были отобраны все статьи за период с 2010-го по 2017 г., в которых встречается как минимум одно из поисковых слов: ислам*, или мусульман*, или ме-

13. Mondon, A., Winter, A. (2017) “Articulations of Islamophobia: From the Extreme to the Mainstream?”, *Ethnic and Racial Studies* 40(13): 2151-2179.

14. Ekman, M. (2015) “Online Islamophobia and the Politics of Fear: Manufacturing the Green Scare”, *Ethnic and Racial Studies* 38(11): 1986-2002

15. McEnery A., Wilson A. (1996) *Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.

16. Эти издания сохраняют лидирующие позиции в рейтинге влиятельности издания информационно-аналитической системы «Медиалогия». Методика составления рейтингов // Медиалогия. URL: http://www.mlg.ru/ratings/methodology_media/

чет*, или шариат*, или суннит*, или шиит*, или ваххабит*, или фетв*, или Аллах*, или коран*. В итоге корпус включает в себя 18 699 статей.

Поиск коллокаций был использован в качестве основного статистического инструмента работы с таким массивом текстов. Самое общее определение термина «коллокация» таково: «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии»[17]. Например, «темный» лучше сочетается со словом «ночь», чем со словом «человек». Иначе говоря, это «факт появления определенных слов в комбинации с другими словами в определенном контексте»[18]. Специальные программы позволяют отделять «случайные» совместные появления слов от статистически значимых.

Нами была использована онлайн-версия программного обеспечения Sketch Engine, разработанная сотрудниками Бирмингемского университета[19].

Мигрантофобия, терроризм и антиамериканизм: необычные воплощения исламофобии

Формирование пространства противостоящих друг другу идентичностей, использование образа врага для консолидации внутренних политических ресурсов — фундаментальные элементы политического процесса. Э. Лакло и Ш. Муфф вводят понятие «гегемонистского дискурса». Непрекращающийся процесс артикуляции обуславливает постоянную изменчивость дискурса, поэтому действующие субъекты стремятся не только артикулировать новое значение, но и зафиксировать его в качестве постоянного элемента дискурса. Поэтому неизбежна и «интервенция гегемонии», в ходе которой один из дискурсов неизбежно «побеждает»[20]. Тен ван Дейк (2008)[21], анализируя расистский дискурс, описывает множество механизмов, с помощью которых дискри-

17. Коллокация // *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. URL: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm
18. Baker P., Hardie A., McEnery T. (2006) *Glossary of Corpus Linguistics*, p. 36. Edinburgh University Press.
19. Sketch Engine [https://www.sketchengine.co.uk/].
20. Laclau, E., Chantal, M. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics*, p. 136. Verso.
21. Van Dejk, Teun. (2008) *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan.

минируемая группа предстает в образе врага, противостоящего «белому обществу».

Выстраивание дихотомии «друг — враг» является фундаментальной стратегией, используемой в газетном дискурсе об исламе. Так, наиболее частотные прилагательные, относящиеся к исламу — «радикальный» и «традиционный». Анализ контекстов их употребления показывает, что именно эти категории лежат в основе формирования антагонистических идентичностей.

Можно ли конкретизировать семантическое поле традиционного и радикального ислама? Обладает ли ислам собственной предметной областью в газетном дискурсе или же представляет собой лишь отдельный элемент иных дискурсивных полей?

Нами были отобраны все коллокации «радикальный» и «традиционный» — они и стали предметом анализа. Основная задача, стоящая перед нами на данном этапе — определить дискурсивные поля, элементами которых является ислам. «Радикальный ислам» употребляется гораздо чаще, поэтому мы решили начать с анализа его контекстов.

Исходя из контекста появления каждой отдельной коллокации, мы классифицировали их по проблемно-тематическому принципу с помощью тегов — маркеров, позволяющих отнести коллокацию к одной из категорий. Не было жесткого ограничения «одна коллокация — один тег», но и множественность тегов могла осложнить анализ, поэтому одна коллокация могла быть отнесена максимум к трем сюжетам. «Теги» представлены в Таблице 1 и ранжированы по общему количеству упоминаний.

Таблица 1. Контексты употребления словосочетания «радикальный ислам»

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Сумма
Количество коллокаций	*36*	*76*	*75*	*100*	*66*	*118*	*102*	*54*	*627*
Теги									
регионы России	15	27	53	40	14	7	11	8	175
другие страны	6	22	9	10	6	13	12	3	81
Европа	2	3	4	6	13	20	20	8	76
глобальная угроза	2	4	1	5	14	16	11	5	58
ИГИЛ	0	1	0	0	2	27	9	5	44

мигранто-фобия	1	2	2	9	12	2	10	5	43
женщины	0	1	0	17	2	11	3	3	37
Централь-ная Азия	3	3	4	4	2	1	12	4	33
Сирия	0	2	2	5	7	3	8	0	27
вербовка	0	0	0	8	1	15	1	0	25
борьба с терроризмом	0	0	0	0	0	7	4	5	16
антиамери-канизм	2	6	1	2	0	2	0	0	13
христи-анство VS ислам	0	1	1	1	1	6	2	1	13
отдельные террористы	0	0	0	9	2	0	2	0	13
тюрьма	0	1	0	1	0	2	4	3	11
ограниче-ние свобод	0	1	0	1	1	1	1	1	6

Высокая частота отдельных сюжетов предопределена громкими инфоповодами, которые ни одно издание не могло обойти вниманием: сводки с фронтов борьбы с ИГИЛ или вызвавшие широкий общественный резонанс теракты, совершенные выходцами из России (Царнаев, теракт на Бостонском марафоне в 2013 г.) либо гражданами России (Двораковский). В региональном контексте наиболее резонансным событием стало убийство муфтия Татарстана В. Якупова в 2012 г.

Одним из самых популярных сюжетов является проблема радикального ислама в российских регионах. Речь идет не только о северокавказских республиках, но и о регионах Поволжья и даже таких, казалось бы, экзотичных для исламских сюжетов, как Ямал[22]. Радикальный ислам чаще всего выступает как основная или, в крайнем случае, одна из многочисленных причин нестабильной обстановки в регионе. Например, А. Каноков, бывший глава Кабардино-Балкарской республики, приводит такой список проблем, как бы оправдываясь за теракт на Баксанской

22. *Стешин Д.* Новый Уренгой отгородился от приезжих сограждан и гастарбайтеров // КП. 02.12.2012.

ГЭС (который произошел 21 июля 2010 г.): распад Союза, период бездуховности, в семьях стали уделять больше внимания вопросам бизнеса, а не воспитания, и, как следствие, в этой нише появился радикальный ислам[23]. В ряде случаев радикальный ислам — это неотъемлемое качество человека, уже совершившего теракт. Или, наоборот, сообщение о «принадлежности к радикальному исламу» сразу же предупреждает о потенциальной опасности, даже если никакого инцидента еще не произошло[24]. Другой важной составляющей радикального ислама является определение его через термины идеологии: «уничтожен главный идеолог радикального ислама», «идеологические разногласия с оппонентами».

Иными словами, радикальный ислам в региональном контексте имеет атрибутивный характер. Не было обнаружено ни отдельных материалов, ни даже отдельных параграфов, посвященных попыткам заглянуть в содержание понятия «радикальный ислам». Семантическое поле радикального ислама столь широко, что выхолащивается вся сущность и остается только негативный оценочный компонент.

Предполагается, что ясность должен вносить тег «другие страны». Эта группа включает в себя материалы, посвященные описанию событий преимущественно в незападных странах, исключая страны Центральной Азии и Сирию, которые вынесены в отдельные группы по понятным причинам. Это материалы о происходящем в Афганистане, Сомали, а также в Египте, Ливии и Тунисе в контексте «арабской весны», цель которых, как правило, — ввести в суть происходящего читателей, не имеющих специальных знаний по истории и политике стран Ближнего Востока. Радикальный ислам здесь используется примерно так же, как и при описании региональной обстановки: партии радикального ислама, отдельные деятели, «исповедующие радикальный ислам». Но здесь мы видим и иной инструмент: радикальный ислам уже сам выступает в роли отдельного субъекта действия, например, когда речь идет об угрозах со стороны радикального ислама:

23. «Если террористам платить, чтобы они нас не взрывали, они станут сильнее» // Коммерсант. 01.10.2010

24. Вместе с предполагаемым террористом, взорвавшим минское метро, задержали его отца // КП. 19.04.2011.

> Победы кандидата от «Братьев-мусульман», за которыми многие видят «руку» радикального ислама, больше всего опасаются на Западе[25].

Чтобы описать далекие от российского читателя сюжеты понятным ему языком, используется «понятная» терминология радикального ислама. С определенной долей уверенности можно сказать, что так как российский контекст по умолчанию более понятен российскому читателю, то устоявшийся образ северокавказского исламиста или сложившаяся модель описания конфликтов на Северном Кавказе экстраполируется на восприятие событий в отдельных странах Ближнего Востока. Радикальный ислам вновь превращается в своеобразный маркер отделения «хорошего» от «плохого» и «правильного» от «неправильного». И тогда собирательный член партии «Братьев-мусульман», распространяющий идеологию радикального ислама, уже мало чем отличается от северокавказских боевиков, с которыми борются российские силовые структуры.

О радикальном исламе как проблеме, требующей незамедлительного решения, постоянно говорится с 2010 г., хотя противодействие этому самому радикальному исламу находит отражение в материалах только начиная с 2015 г. Однако стимулом в данном случае было не стремление разобраться в ситуации, а прежде всего обозначить внешний характер угрозы или создать положительный образ спецслужб[26], хотя подобные статьи скорее сообщают о единичных успехах, чем о комплексном подходе к решению проблемы.

В некоторых статьях журналисты обращают внимание на проблему ограничения прав в рамках борьбы с терроризмом. А. Верховский предупреждает, что «ужесточение наказаний облегчит работу правоохранителям, но не поможет справиться с радикалами». Однако мнение специалиста, высказанное в июле 2013 г. на фоне большого количества нормативных актов, принятых в мае-июне 2013 г. и связанных с противодействием экстремизму, теряется в общем потоке алармистских материалов и оказывается совершенно непопулярным по сравнению с идеей сокращения гражданских прав, исходя из требований безопасности. Кроме того, продвигаются и идеи ужесточения контроля под предлогом

25. *Шестаков Е.* Смена декораций // РГ. 08.02.2011.

26. Невский: февральский полумесяц // РГ. 13.2.2013.

обеспечения безопасности. Например, В. Никонов убежден, что «война с терроризмом предполагает определенное ограничение с точки зрения безопасности, а это всегда противоречит стерильным демократическим нормам»[27].

Как видно из таблицы, с 2015 г. несколько меняется схема освещения проблематики радикального ислама. Региональные проблемы отходят на второй план, а на первое место выходит ИГИЛ. Материалы, отнесенные к этому тегу, по преимуществу нейтрально описывают ситуацию на фронтах борьбы с террористической организацией, однако в них появляется целый ряд других сюжетов, ранее не фигурировавших в этом дискурсе.

Во-первых, это «женский вопрос». Изменения, связанные с превращением ИГИЛ в центральный элемент поля радикального ислама, начались еще в 2013 г., о чем и свидетельствует появление проблемы женщин, намеревающихся уехать или уже уехавших воевать за «Исламское государство». Тогда же появляется и проблема вербовки. В 2015 г. новый всплеск интереса к этой теме обусловлен делом Варвары Карауловой[28]. Тема вербовки женщин в террористическую организацию настолько популярна у журналистов, что порой складывается впечатление, что мужчины попросту находятся вне зоны досягаемости вербовщиков. Образ слабой, подверженной внушению женщины оказывается более востребованным, к нему чаще всего обращаются журналисты в «хрестоматийных» историях о вербовке террористами женщин, находящихся в тяжелой жизненной или психологической ситуации:

> Применяя специальные психологические техники, вербовщик убеждал возлюбленную сменить веру и превращал ее в стойкого адепта радикального ислама[29].

Во-вторых, не так активно, но все же освещается проблема вербовки молодежи в «Исламское государство»[30].

27. Темы для Ярославля // Темы для Ярославля. 29.08.2011

28. Уголовное дело на Варвару Караулову было заведено в сентябре 2015 года после того, как она пыталась попасть в Сирию, чтобы присоединиться к ИГИЛ, но была задержана в Турции. В декабре 2016 года была приговорена к 4,5 годам лишения свободы.

29. *Демченко В.* Вербовщик распространял экстремизм половым путем // КП. 05.11.2013.

30. *Коц А., Стешин Д.* Откуда у русских ваххабитская грусть? // КП. 03.02.2014.

В-третьих, ИГИЛ возрождает, казалось бы, забытые после терактов 11 сентября дискуссии о глобальной угрозе радикального ислама и о противостоянии христианства и ислама[31]. Теория С. Хантингтона вновь оказывается востребована. И хоть прямых ссылок на американского политолога нет, очень точно воспроизводится дискурс «столкновения цивилизаций»: «глава кабинета опроверг, что между Западом и радикальным исламом вообще идет война»; «Россию нужно сделать партнером в борьбе против радикального ислама и терроризма». Очевидно, что еще большее расширение семантического поля радикального ислама не способствует уточнению его предметного поля, а скорее вновь добавляет новый негативный оценочный компонент в восприятие ислама.

Повышенное внимание к ИГИЛ и радикализация оценок в восприятии радикального ислама заострили еще одну и без того болезненную для российского публичного пространства проблему: проблему мигрантов. По мнению С. Абашина, «пик „опросной ксенофобии“ приходился на 2013 год. И понятно почему: тогда была активная выборная кампания в Москве, и тема миграции являлась одной из основных, ее раскручивали все политические силы»[32]. Интересно, что радикальный ислам также выступает своего рода лакмусовой бумажкой для обнаружения элементов мигрантофобии, и актуализируется эта проблема посредством материалов, посвященных Европе и Центральной Азии. Последняя снова становится маркером потенциальной или реальной угрозы[33].

Стоит также отметить, что «глобализационная» тенденция наблюдается и в освещении проблемы мигрантов: если до 2013 г. речь шла скорее об отдельных случаях распространения радикального ислама через мигрантов из Центральной Азии, то в 2014 г. впервые это представляется как угроза общероссийского масштаба[34].

Что касается европейского кейса, то, с одной стороны, зачастую секьюритизация ислама посредством миграции достигается фак-

31. *Иванов С.* Карт-бланш. Исламский халифат могут ждать и взлет, и падение // НГ. 31.10.2014; *Млечин Л.* Всемирная армия джихада // Новая Газета. 25.01.2016.

32. *Галкина Ю.* Растет ли мигрантофобия после теракта в петербургском метро? Интервью с Сергеем Абашиным // The Village. 27.04.2017.

33. *Мальцев В.* Таджикский оппозиционер дал России средство от майдана // НГ. 02.04.2014.

34. *Петров И.* Террористы-гастролеры // РГ. 29.09.2014.

тически теми же приемами, что и при работе с сюжетами, связанными с Центральной Азией:

> Зато создадут диаспору, живущую на подачки ближневосточных фондов и тесно спаянную радикальным исламом[35].

С другой стороны, европейские проблемы с мигрантами и распространением радикального ислама являются следствием непродуманной политики ряда европейских государств, на чем также делается акцент во многих материалах. Это вписывается в более широкий международный политический контекст, связанный с ухудшением отношений России с европейскими странами после введения санкций в 2014 г., что нашло отражение и в прессе:

> Обращение министра юстиции Германии Хайко Мааса к сторонникам «Пегиды» отказаться от участия в акциях выглядят как очевидное проявление растерянности кабинета Меркель — министр призывает соотечественников «вспомнить о приличиях», тогда как люди ждут от немецких властей решительных действий в отношении как радикального ислама, так и нелегальной иммиграции[36].

Вслед за антизападной риторикой радикальный ислам неожиданно становится элементом антиамериканского дискурса:

> Бжезинский — лишь наиболее известная фигура, давно и преданно работающая над проектом глубокого партнерства США и радикального ислама[37].
>
> Американские аналитики со времен окончания холодной войны спрогнозировали, что какие бы проблемы радикальный ислам ни создавал для Запада, России он может нанести гораздо больший вред[38].

В отличие от «радикального ислама» концепт «традиционного ислама» употребляется лишь в трех контекстах. Во-первых — для

35. *Бруснев М.* Радикальные исламисты идут на Запад // КП. 24.03.2014.

36. *Шестаков Е.* Кто пугает немцев // РГ. 19.01.2015.

37. *Черных Е.* Известный политолог Сергей Кургинян: «Обама начал передел мира» // КП. 04.03.2011.

38. *Гаврилов В.* Инцидент с Су-24 и ретроспективные параллели // НГ. 18.12.2015.

описания ситуации в Дагестане, где под ним понимается суфийский ислам, который противостоит врагу, представленному в образе «ваххабизма». Обращает на себя внимание тот факт, что традиционный ислам также описывается как «миролюбивый», «наш», «возрождающийся».

Во-вторых, категория «традиционного ислама» используется в качестве цивилизационной альтернативы. Такой ислам несет в себе созидательные, укоренившиеся в истории ценности, которые могут быть эффективно инкорпорированы в российскую культуру. В некоторых случаях описание традиционного ислама имеет нормативный характер, когда, например, речь идет о том, что традиционный ислам должен быть лоялен действующей власти. В этом смысле категория «традиционности» оказывается вписана в более широкий российский[39] и даже международный политический контекст в свете дискуссий о традиционных ценностях и консервативном повороте[40].

Наконец, конструкт «традиционный ислам» как своеобразный аналитический инструмент используется для того, чтобы ориентировать читателя в политических реалиях другой страны. Например, Али Хаменеи, иранский политический деятель, описывается как «отстаивающий традиционные исламские ценности» — в противовес Махмуду Ахмадинежаду, который «проводит популистскую политику с националистическим уклоном»[41].

Однако гораздо важнее то, что дискурс о традиционном исламе оказывается полностью зависим от дискурса о радикальном исламе: первый является реакцией на угрозу радикального ислама и выступает как универсальное средство противодействия, а также как атрибут лояльных государственной власти мусульманских организаций.

Радикальный ислам выступает лишь маркером для идентификации тех или иных сил, а также элементом множества других дискурсивных полей (например, мигрантофобия, европейская политика), не составляя собственного предметного поля. Традиционный ислам находится в таком же положении, так как

39. *Малинова О.Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114–130.

40. Stoeckl, K. (2016) "Postsecular Conflicts and the Global Struggle for Traditional Values" (lecture), *State, Religion and Church* 3(2): 102–116.

41. См. например: *Юсин М.* Президента Ирана записали в либералы // Коммерсант. 22.11.2011.

по сути представляет собой лишь реакцию на все тот же, лишенный сколько-нибудь конкретного содержания радикальный ислам. Что же составляет предметное поле ислама? Об этом — лишь несколько материалов, в которых встречалась коллокация традиционный ислам: например, материалы, посвященные открытию Исламской академии и перспективам развития мусульманского образования, или конструктивные экспертные комментарии по «проблеме радикального ислама».

Выявление столь большого числа дискурсивных полей, к которым принадлежит элемент радикального ислама, как раз и позволило, следуя логике А. Мондон и А. Винтер, установить «различные типы обобщений, стигматизаций и неправильных восприятий», о которых шла речь выше. Каждый конкретный тег — это один из типов стигматизации, приводящей к появлению отдельного типа исламофобии. В итоге получается целая палитра «исламофобий». В целях упрощения, конечно, удобнее говорить об одной исламофобии, не забывая тем не менее о ее неоднородности, если иметь в виду российский газетный дискурс.

Кто говорит об исламе в контексте защиты традиционных ценностей?

Негативный образ ислама возникает не только на основе того, *что* говорится об исламе, но и в зависимости от того, *кто* говорит об исламе. Позиции привлекаемых для анализа экспертов являются неотъемлемой частью дискурса об исламе. Обращение к экспертному мнению выполняет сразу несколько функций. В идеальном случае оно может быть обусловлено стремлением журналиста максимально объективно проанализировать поднятую проблему. Однако, как правило, эксперты решают гораздо более практические задачи: журналист придает больший авторитет выдвинутому в газетной статье тезису, а эксперт получает дополнительную трибуну для трансляции своих идей.

М. Попович в своей диссертации анализирует экспертный дискурс об исламе в канадских СМИ[42], основывая свое эмпирическое исследование на теории экспертного статуса (*theory of expert status*). В медийном пространстве по умолчанию считается, что эксперт оперирует правдивой информацией. Самым «простым» критерием для отнесения кого-либо к экспертному сообществу является наличие ученой степени или аффилиация

42. Popowich, M. (2005) *An Analysis of 'The Expert of Islam' in Canadian News Media*. Institute of Islamic Studies. McGill University, Montreal.

с каким-либо научным центром. Другая неотъемлемая черта эксперта — специфический язык: это не язык обывателя, рассуждающего о исламе, а язык профессионала, оперирующего специальными терминами и ссылками на исторический контекст. В этом смысле, обращает внимание М. Попович, отношения эксперта и обывателя мало чем отличаются от фукодианской модели распределения власти в связке «врач — пациент»[43]. Однако пребывание эксперта в медийном контексте определяет и некоторые уникальные черты.

Так, как правило, пациент может обратиться к другому врачу, если в коммуникации с первым что-то пошло не так, в то время как пул экспертов, получивших доступ в медийное пространство, достаточно узок. Само попадание в этот пул зависит, во-первых, от желания аудитории принять того или иного индивида в качестве «знающего» (*knowledgeable*), а во-вторых, от механизма формирования публичной повестки. «Экспертный статус — это институционализированное социальное отношение, основанное частично на существующей властной динамике, частично на авторитетном языке эксперта и частично на правилах академического дискурса»[44]. Почти все исследователи, занимающиеся критическим дискурс-анализом, также отмечают, что определенные «месседжи» и «голоса» обретают привилегированное положение, в то время как остальные маргинализируются.

Эксперты своим статусом легитимируют тот образ ислама, который сами создают и который впоследствии становится основой доминирующего дискурса об исламе. Таким образом, по мнению М. Поповича, возникает своего рода «фильтр», обуславливающий искаженное восприятие ислама.

На данном этапе перед нами стоит задача проанализировать роль экспертного сообщества в формировании дискурса об исламе в российских медиа, а также место отдельных экспертов в общественных дискуссиях об исламе.

Круг экспертов действительно довольно узок. В таблице 2 представлены фамилии специалистов, ранжированные в соответствии с количеством материалов, в которых была ссылка на их экспертное мнение, и разделенные на две группы в соответствии с их позициями.

43. *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Издательство «Смысл», 1998.

44. Popowich, M. *An Analysis of 'The Expert of Islam' in Canadian News Media*, p. 40.

Таблица 2. Рейтинг «алармистских» и «умеренных» экспертов

«Алармисты»		«Умеренные»	
Силантьев Р.	203	Малашенко А.	233
Сатановский Е.	129	Игнатенко А.	172
Сулейманов Р.	94	Мирский Г.	43
Гереев Р.	20	Наумкин В.	43
Хизриева Г.	12	Ярлыкапов А.	28
Амелина Я.	4	Энгельгардт Г.	19
		Курбанов Р.	12
		Хакимов Р.	12
		Сюкияйнен Л.	10
		Бобровников О.	4
		Беккин Р.	3

В целом, экспертное сообщество, представленное в медиапространстве, довольно четко делится на тех, кто стоит на алармистских позициях в отношении исламской проблематики, и тех, кто остается на позициях академической науки.

Доминирующий нарратив секьюритизации ислама, а также историческое наследие чеченских войн приводят к тому, что одним из важнейших элементов «алармистского» сегмента экспертного дискурса об исламе становится угроза, связанная с радикальным исламом. Сущностные черты этой угрозы — ее внешний характер и направленность на подрыв основ российской государственности. По этой причине экспертный дискурс здесь сращивается с официальным политическим, так как идея поиска и определения внешнего врага является крайне популярной в российском политическом истеблишменте.

Одной из самых ярких фигур среди признанных со стороны СМИ экспертов по исламу является Роман Силантьев. Его статус определяется не только академическими позициями (доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета), но и занимаемыми им должностями в государственных структурах[45].

Дискурс Р. Силантьева выстраивается вокруг нескольких элементов. Первое — это радикальные меры противодействия любым угрозам национальной безопасности, акцент на сильном госу-

45. Заместитель председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, член Экспертного совета по теологии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

дарстве. Стоит отметить, что Силантьев довольно давно выступает за активное противодействие «идеологии ваххабизма» (вплоть до ее законодательного запрета) и за применение силовых методов в отношении ее приверженцев:

> Скажу неполиткорректно, но от души: возможно, вообще не стоит этих людей брать живыми[46].
>
> Ваххабиты не зря позиционируют себя последователями всемирной религии — им действительно нужен весь мир, а не только Кавказ. Поэтому они активно наращивают свое присутствие по всей России и вполне реально предположить, что скоро имамов будут убивать уже в Москве, Казани и Уфе[47].
>
> Пора заканчивать с детским лепетом о «мирной интеграции террористов» и с нытьем о «притеснении нетрадиционных мусульман[48].

По мнению Силантьева, наибольшую угрозу российскому обществу в связи с распространением радикального ислама представляют неофиты. Среди них особенно «опасными» являются неофиты славянского происхождения, включая заключенных:

> Русские мусульмане, которых насчитывается всего шесть тысяч человек, дали стране террористов больше, чем мусульмане-татары, которых почти 4 миллиона[49].
>
> По моим данным, как минимум 10% новообращенных русских мусульман-мужчин приняли ислам именно в местах заключения... Сейчас учащаются случаи, когда радикальный ислам принимают люди с фашистскими взглядами[50].

В 2016 г. в издательстве Миссионерского отдела Екатеринбургской епархии вышла книга Р. Силантьева «Ислам. Пособие для православных миссионеров»[51]. В «Практическом разделе» автор подробно описывает процедуру выявления «агрессивных исла-

46. *Рогоза А.* Члены банды ГТА напали на конвой в здании Мособлсуда// КП. 01.08.2017.
47. *Силантьев Р.* Ваххабитский проект для Северного Кавказа // НГ. 20.01.2010.
48. *Мельников А.* Террористы бьют по первым лицам // НГ. 17.12.2010.
49. *Сапожников Г.* Почему русские, переходя в ислам, зачастую становятся ваххабитами // КП. 12.02.2011.
50. *Рогоза А.* Курсанта в метро порезал скинхед-исламист // КП. 06.11.2015.
51. *Силантьев Р.* Ислам. Пособие для православных миссионеров. Екатеринбург: Миссионерский отдел Екатеринбургской Епархии, 2016.

мистов»: перечисляются особенности внешнего вида и поведения, предлагается комплекс основных и дополнительных вопросов, ответам на которые присваивается определенное количество баллов, в результате чего появляется возможность оценить «приверженность исламизму» от 0 до 20 баллов. «Каждый балл увеличивает на 5% вероятность принадлежности общины к радикальным направлениям ислама»[52]. В августе того же 2016 г. со ссылкой на Силантьева в СМИ появилась информация о том, что к публикации готовится методичка, «которая позволит сотрудникам Федеральной службы исполнения наказаний отличить экстремистов от традиционных мусульман и остановить распространение в тюрьмах радикального исламизма»[53].

Силантьев акцентирует значимость традиционного ислама и доминирующее положение православия в российском обществе:

> Для России традиционен лишь тот ислам, последователи которого готовы быть законопослушными гражданами своего государства и уважать христианское большинство[54].

Наконец, еще одним важнейшим элементом позиции Силантьева является его противостояние Равилю Гайнутдину и организациям, которые тот возглавляет, а именно Духовному управлению мусульман РФ и Совету муфтиев России (СМР). Именно они, по мнению эксперта, являются основными проводниками опасных идей ваххабизма, в связи с чем эти организации должны быть признаны террористическими[55]. В 2015 г. вышла книга Силантьева «Совет муфтиев России: история одной фитны»[56], призванная разоблачить истинные мировоззренческие установки Р. Гайнутдина. В своих комментариях в СМИ Силантьев не упускает возможности акцентировать внимание на связи СМР с ваххабитскими кругами.

Силантьев, конечно, не выступает против централизованных мусульманских организаций и даже написал книгу о позитивном опыте взаимодействия мусульманских организаций с властями

52. Там же. С. 404.

53. *Куликов В.* Найдут, кто плохо сидит // РГ. 23.08.2016.

54. *Мельников А.* Принуждение к межобщинному миру // НГ. 02.02.2011.

55. *Былов М.* Москва прирастет новой мечетью // НГ. 15.09.2010.

56. *Силантьев Р.* Совет муфтиев России: история одной фитны. М.: РИСИ, 2015.

в царской России[57]. Кстати, этот труд стал предметом критической рецензии, опубликованной на страницах той же «Независимой газеты», где чаще всего появляются материалы за авторством самого Р. Силантьева. Автор рецензии В. Мальцев отмечает, что «заметна тенденциозность автора, чьи симпатии находятся на стороне “черносотенного” мусульманского духовенства начала XX века»[58]. По мнению Силантьева, сейчас на службе у российского государства уже есть «правильная» мусульманская организация — Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) под руководством Талгата Таджуддина. Критикуя структуры под руководством Р. Гайнутдина, Силантьев считает ЦДУМ самым авторитетным представителем мусульманской общины всей России[59].

Не менее ярким представителем экспертного сообщества является сотрудник Института национальной стратегии (в прошлом сотрудник Российского института стратегических исследований — РИСИ) Раис Сулейманов. Его радикальные высказывания не раз становились предметом научного анализа[60]. В целом его риторика мало чем отличается от риторики Р. Силантьева. В большинстве своих публикаций и выступлений он также призывает к самым жестким мерам противодействия «радикальному исламу» в российских регионах. Однако он делает еще больший акцент на роли сильного государства в противостоянии данной угрозе. В этой связи он говорит и о патриотизме (чего нет у Р. Силантьева):

> Для ваххабизма как для глобального проекта главный враг — патриотизм... Самое страшное в ваххабизме то, что он не признает национальных и государственных границ[61].

Сулейманов, так же как Силантьев, делает акцент на опасности исламского неофитства, особенно в тюрьмах:

57. *Силантьев Р.В.* Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010.

58. *Мальцев В.* Ислам на государевой службе // НГ. 04.08.2010.

59. *Силантьев Р.* Умма государственнического склада // НГ. 20.12.2017.

60. См. например: Ponomariov, A. “Rais Suleimanov (Kazan’) and His Struggle Against Foreign and Jihadist Influence in Russia’s Islam Community” (Conference Paper), *Image of Islam in Russia. 6–8 October 2016*. Uppsala, Sweden; Kovalskaya, K. (2017) “Nationalism and Religion in the Discourse of Russia’s ‘Critical Experts of Islam’”, *Islam and Christian–Muslim Relations* 28(2): 141–161.

61. *Постнов Г.* Татарстан разводят по шариату // НГ. 26.01.2012.

> На сегодняшний день в Татарстане зафиксировано около 70 фактов распада семей вследствие пропаганды радикального ислама[62].

Сулейманов склонен преувеличивать масштаб угрозы, говоря о тренировочных лагерях исламистов и появлении новых «группировок моджахедов», а также о проникновении ваххабитов в государственные структуры. Сразу после громкого убийства муфтия Татарстана в июле 2012 г. Сулейманов заявил: «Я ведь предупреждал! Разъяснял! Бил тревогу! Писал о том, что ваххабизм проник в самое сердце России — в Поволжье, а меня обвиняли в паникерстве»[63]. Прочие его экспертные комментарии выдержаны в столь же алармистском духе.

Кстати, случай Сулейманова показывает, что у такого алармизма есть некие «допустимые рамки». В 2013 г. его вызывали в прокуратуру для объяснений по поводу «голословных заявлений», а в декабре 2015 г. он был приговорен к административному аресту на семь суток, но его избежал.

С уверенностью можно сказать, что именно эти два человека — в большей степени Р. Силантьев, в меньшей Р. Сулейманов — формируют экспертную повестку об исламе в СМИ. Есть также ряд экспертов, которые в своих комментариях воспроизводят отдельные элементы описанного нами алармистского дискурса об исламе. Некоторые обращаются к столь же жесткой риторике. Например, Р. Гереев, эксперт некоего Центра исламских исследований Северного Кавказа[64], находит простую причину роста популярности идей радикального ислама:

> Русская молодежь устала от пивного культа, ее выталкивают в систему — в общество потребителей, с гей-браками и прочим непотребством... В итоге молодежь обращает внимание на радикальный ислам, доктрина которого проста[65].

62. Там же.

63. *Асламова Д.* Ваххабиты пытаются превратить Татарстан в часть арабского халифата.

64. Подробной информации об этом Центре обнаружить не удалось. Известно только со слов самого Р. Гереева, что он как руководитель этого Центра выступает «за максимальную отдаленность в научной работе от государственных ведомств и развития взаимоотношений с государством только на основе госзаказа и партнерства» (Руслан Гереев возглавил Центр исламских исследований Северного Кавказа // Голос ислама. 04.08.2012).

65. *Коц А., Стешин Д.* Откуда у русских ваххабитская грусть?

О проникновении ваххабизма во все структуры власти говорит и сотрудница РИСИ Г. Хизриева. Например, она связывает между собой два убийства — Саида Чиркеевского (28 августа 2012 г.) и татарстанского муфтия В. Якупова (19 июля 2012 г.), так как они оба проводили курс на «деваххабизацию». Кстати, абсолютно ту же терминологию использует в своих комментариях и другой сотрудник РИСИ Я. Амелина[66]: «Совершенно ясно, что существует ваххабитское подполье, о котором чиновничество говорило, что это только идеологическая проблема»[67]. Г. Хизриева также выступает за активизацию деятельности правоохранительных органов, направленной на предотвращение терактов, и акцентирует внимание на угрозе вербовки молодежи в сообщества радикального ислама.

С 2013 г. в российском медийном пространстве актуализировался образ врага в виде ИГИЛ. Со стороны многих, в том числе упомянутых выше, представителей экспертного сообщества зазвучали предостережения относительно вербовки в террористическую организацию и призывы решать проблему «радикального ислама» самыми радикальными средствами. Эта тема получила развитие после начала российской военной операции в Сирии в сентябре 2015 г. Так, директор Института Ближнего Востока Е. Сатановский, известный своими резкими заявлениями о ситуации в арабском регионе в целом и в зоне палестино-израильского конфликта, в частности, в ряде интервью поднял и проблему радикального ислама. С одной стороны, он активно продвигает тезис о глобальном характере угрозы радикального ислама и, как следствие, поддерживает жесткие методы решения этой проблемы:

> ...все мухи [имеются ввиду боевики ИГИЛ] собрались на одной куче навоза в Сирии, и там их легче прихлопнуть[68].

С другой стороны, он часто обращается к риторике мигрантофобии, анализируя «самоубийство современной Европы»:

> Это результат серьезной работы по уничтожению террористов. Это результат того, что у нас нет потоков мигрантов, которым неизвест-

66. *Муртазин И.* Борьба за деньги или за веру? // Новая Газета. 23.07.2012.

67. *Коц А.* Исламовед Роман Силантьев: Ваххабиты есть даже на Чукотке // КП. 20.09.2012.

68. *Широкорад А.* Ближний Восток живет противоборством // НГ. 05.02.2016.

> но с чего платят пособия. Это результат того, что у нас не открыты двери для миллионов людей, желающих превратить нас в территорию радикального ислама. А Европа дает им эту возможность[69].

Что же касается специалистов, транслирующих максимально объективную позицию, то стоит отметить две важные особенности их дискурса. Во-первых, абсолютное большинство обозначенных выше в таблице академических ученых высказывают свое экспертное мнение о политической ситуации в странах Ближнего Востока и Северной Африки, и ислам является для них второстепенной темой. В данном случае речь идет, например, о В. Наумкине, Г. Мирском, А. Игнатенко, А. Малашенко. Что же касается аналитики, касающейся проблем ислама в России, то здесь самый востребованный со стороны СМИ — это руководитель научных исследований института «Диалог цивилизаций» А. Малашенко (в 2007–2016 г. возглавлял программу «Религия, общество и безопасность» Московского Центра Карнеги). Он всегда дает взвешенные оценки. Например, комментируя сюжет с убийством татарстанского муфтия, он сказал следующее:

> Во-первых, Татарстан хоть и в окружении православного пространства, но все же часть исламского мира и не может быть вне процессов, происходящих в исламских странах… Во-вторых, в российских условиях, когда у нас нет реальной оппозиции, какую-то часть протестных настроений на себя оттягивает религия, ислам[70].

Говоря о способах противодействия радикальному исламу, академические эксперты делают акцент не на силовом, а на политическом решении проблемы. Так, Малашенко еще в 2010 г. констатировал проблему отсутствия международного взаимодействия в этой области[71]. Другой эксперт, профессор МГИМО А. Ярлыкапов, утверждал, что «чем дольше силовики будут бороться с террористами старыми методами, тем больше Россия будет увязать в их ячейках»[72].

69. Эксперты проанализировали теракты в Брюсселе: «Европа кончает жизнь самоубийством?» // МК. 22.03.2016 (ответ на вопрос журналиста о том, почему в России в последнее время не произошло значительных терактов).

70. *Постнов Г.* Татарстанский конфликт в тротиловом эквиваленте // НГ. 20.07.2012.

71. *Малашенко А.* Бесконечность конфронтации // НГ. 29.09.2010.

72. В ходе боя в Нижнем Новгороде были убиты два боевика // МК. 23.10.2016.

В условиях доминирования алармистской аналитики академический дискурс, присутствующий в медийном пространстве, слышен слабо и тематически ограничен. Комментарий эксперта, как правило, следует за каким-то громким инфоповодом, который зачастую оказывается связан с такими резонансными темами, как деятельность террористических группировок (от российских регионов до ИГИЛ) или публичные проявления ислама (ношение хиджаба, празднование Курбан-байрама). Эксперт оказывается заложником этой ограниченной повестки и вынужден лишь реагировать на заданные темы.

Как академические эксперты реагируют на алармистские комментарии? В большинстве своем такие эксперты, как Р. Сулейманов или Г. Хизриева, вовсе не признаются академическим сообществом и считаются маргиналами. Пожалуй, единственной фигурой, пытающейся противостоять «исламофобии Р. Силантьева», является старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Р. Курбанов. Он активно позиционирует себя в российском публичном пространстве, будучи одним из руководителей Экспертного совета при Совете муфтиев России, членом рабочей группы по межконфессиональным отношениям при Правительстве Москвы, а также автором целого ряда СМИ. В основном полемика происходит на исламских интернет-ресурсах. Однако и в федеральной прессе нами был обнаружен развернутый ответ Р. Курбанова Р. Силантьеву относительно слов последнего о необходимости закрепить подчиненный статус ислама по отношению к православию, что, по мнению Курбанова, может поставить страну на грань межрелигиозного взрыва[73]. Основные претензии Курбанова к Силантьеву состоят не столько в том, что тот говорит о «страхах перед натиском нового поколения просвещенных мусульман», сколько в том, что предлагаемые им критерии для определения традиционности ислама искусственны:

> Главный тезис некоторых экспертов, близких к РПЦ, состоит в фатальной необратимости «православизации» и русификации всех российских народов. Поэтому, советуют они властям, нет смысла корпеть над встраиванием ислама в ткань современной отечественной государственности, так как мусульмане России все равно постепенно растворятся в православном большинстве[74].

73. *Курбанов Р.* Полумесяц в тени креста // НГ. 02.03.2011.

74. Там же.

Однако Курбанов не разбирает подробно алармистскую позицию Силантьева и Сулейманова, и попытки противостоять гегемонии этой позиции, по существу, имеют маргинальный характер.

Таким образом, для обеих групп экспертов доминирующим становится нарратив секьюритизации ислама: одни «бьют тревогу», в то время как другие вынуждены реагировать. Здесь воспроизводится дихотомия радикальный/традиционный ислам, причем второй элемент находится в зависимости от первого элемента. Иными словами, даже если эксперт не является алармистом, он все равно оказывается «заложником» дискуссии о радикальном исламе.

Чтобы понять, насколько широкое распространение получили представления о радикальном исламе, о которых была речь выше, достаточно взглянуть на результаты социологических исследований: в целом около половины опрошенных относятся к мусульманам нейтрально. Уточняющие опросы демонстрируют не столь радужную картину. Например, безразличные к возможной постройке мечети в их городе или районе составляют 36%. При этом вполне положительно и скорее положительно к этой идее отнеслись 30%, а скорее отрицательно и резко отрицательно — 27%[75]. В исследовании, проведенном ФОМ в 2012 г.[76], были заданы и другие вопросы, позволяющие оценить отношение к мусульманам. Задавалось три вопроса: (1) История ислама в России насчитывает несколько столетий. Как вы считаете, ислам сыграл положительную или отрицательную роль в истории России? (2) А сегодня ислам, по вашему мнению, играет в России положительную или отрицательную роль? (3) Если говорить в целом, ислам, по вашему мнению, играет в современном мире положительную или отрицательную роль? Около половины респондентов затруднились ответить на данные вопросы, а 32%, 39% и 40% соответственно указали на отрицательную роль ислама. Эти же вопросы задавали в 2014 г.[77] Число отметивших отрицательную роль ислама уменьшилось на несколько процентов в вопросах об оценке роли ислама в России, однако в целом картина не изменилась.

75. Теракт в Париже: карикатуры, ислам, запреты // Левада-центр. 29 января 2015 [http://www.levada.ru/2015/01/29/terakt-v-parizhe-karikatury-islam-zaprety/].

76. Россияне об исламе // ФОМ. 8 октября 2012 [http://fom.ru/TSennosti/10652].

77. Ислам — «соседняя дружественная религия» // ФОМ. 16 апреля 2015 [http://fom.ru/TSennosti/12121].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что дискурс исламофобии обладает значительным влиянием в российском публичном пространстве. Об этом свидетельствует как частота словосочетания «радикальный ислам», так и богатая палитра контекстов его употребления. Тема радикального ислама оказывается востребована не только в материалах, где речь идет об активности тех или иных террористических организаций, но и выступает как собирательный образ внешней угрозы. Это подтверждается и при анализе доминирующего экспертного дискурса об исламе. В этой ситуации «традиционный ислам» превращается в универсальное средство решения «проблемы радикального ислама»: традиционными называются мусульманские организации, лояльные властям, используется риторика «укрепления» или «поддержки» традиционного ислама.

Библиография / References

Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114–130.

Силантьев Р. Ислам. Пособие для православных миссионеров. Екатеринбург: Миссионерский отдел Екатеринбургской Епархии, 2016.

Силантьев Р. Совет муфтиев России: история одной фитны. М.: РИСИ, 2015.

Силантьев Р.В. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010.

Фуко М. Рождение клиники. М.: Издательство «Смысл», 1998.

"About us", *The Runnymede Trust* [http://www.runnymedetrust.org/about.html, accessed on 05.03.2018].

"Islamophobia challenge for us all" (1997), *The Runymede Trust* [http://www.runnymedetrust.org/publications/17/32.html, accessed on 05.03.2018].

Ahmed, S., Matthes, J. (2017) "Media Representation of Muslims and Islam From 2000 to 2015: A Meta-Analysis", *The International Communication Gazette* 79(3): 219–244.

Allen, Ch. (2010) *Islamophobia*. Ashgate Publishing Group.

Baker P., Hardie A., McEnery T. (2006) *Glossary of Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.

Ekman, M. (2015) "Online Islamophobia and the Politics of Fear: Manufacturing the Green Scare", *Ethnic and Racial Studies* 38(11): 1986–2002

Foucault, M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic]. M.: Izdatel'stvo "Smysl'.

Kovalskaya, K. (2017) "Nationalism and Religion in the Discourse of Russia's 'Critical Experts of Islam'", *Islam and Christian–Muslim Relations* 28(2): 141–161.

Kundnani, A. (2014) *The Muslims are Coming!: Islamophobia, Extremism, and the Domestic War on Terror*, p. 11. New York: Verso Books.

Laclau, E., Chantal, M. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics*, p. 136. Verso.

Malinova, O.Iu. (2013) "Problema politicheski 'prigodnogo' proshlogo i evoliutsiia ofitsial'noi simvolicheskoi politiki v postsovetskoi Rossii" [The Problem of Politically Suitable Past and Evolution of Official Symbolic Politics in the Post-Soviet Russia], *Politicheskaia kontseptologiia* 1: 114–130.

Marranci, G. (2004) "Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking Islamophobia", *Culture and Religion* 5(1): 105–117.

McEnery A., Wilson A. (1996) *Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.

Meer, N. (2014) "Islamophobia and Postcolonialism: Continuity, Orientalism and Muslim Consciousness", *Patterns of Prejudice* 48(5): 500–515.

Mondon, A., Winter, A. (2017) "Articulations of Islamophobia: From the Extreme to the Mainstream?", *Ethnic and Racial Studies* 40(13): 2151–2179.

Ponomariov, A. "Rais Suleimanov (Kazan') and His Struggle Against Foreign and Jihadist Influence in Russia's Islam Community" (Conference Paper), *Image of Islam in Russia. 6-8 October 2016*. Uppsala, Sweden.

Popowich, M. (2005) *An Analysis of 'The Expert of Islam' in Canadian News Media*. Institute of Islamic Studies. McGill University, Montreal.

Semati, M. (2010) "Islamophobic Culture and Race in the Age of Empire", *Cultural Studies* 24(2): 256–275.

Silant'ev, R. (2015) *Sovet muftiev Rossii: istoriia odnoi fitny* [Council of Mufties: History of one Fitna]. M: RISI.

Silant'ev, R. (2016) *Islam. Posobie dlia pravoslavnykh missionerov* [Islam. Manual for Orthodox Missionaries]. Ekaterinburg: Missionerskii otdel Ekaterinburgskoi Eparkhii.

Silant'ev, R.V. (2010) *Musul'manskaia diplomatiia v Rossii: istoriia i sovremennost'* [Muslim Diplomacy in Russia: History and Today]. M.: IPK MGLU "Rema'.

Stoeckl, K. (2016) "Postsecular Conflicts and the Global Struggle for Traditional Values" (lecture), *State, Religion and Church* 3(2): 102–116.

Taras, R. (2013) "'Islamophobia Never Stands Still': Race, Religion, and Culture", *Ethnic and Racial Studies* 36(3): 417–433.

Van Dejk, Teun. (2008) *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan.